

Сабилу Иван Иванович (22.04.1940, Минск) — прозаик, член Союза писателей СССР с 1983 года. Обладатель Почётного диплома Всероссийского литературного конкурса им. Н. Островского на лучшее произведение для молодёжи, лауреат премий: им. В. С. Пикуля (1998), Всероссийской премии им. Ф. Абрамова (2002), премии Правительства Санкт-Петербурга (2003). С 1993 года по 2005 год — Председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России.

*Человеку Слова и Дела
Владимиру Степановичу
СКВОРЦОВУ*

После завтрака Андрей сказал жене спасибо и остановился у окна, глядя в осеннюю погоду. Утро хмурое, туманное, накрапывал дождь. На пешеходной дорожке порывистый ветер взметнул гнедой табун жёлтых кленовых листьев и погнал их на проезжую часть. Да-а, погодка! Надо исправлять... Андрей приказал тучам и туману рассеяться, а солнцу явить свой неизменный лик и озарить окрестности ясным светом. Но они, похоже, и не думали подчиняться.

Анюта мыла в раковине посуду и повернулась к мужу:

— Так мы идём к Пашке?

— Да как же идти? Подарка-то нет, сказал Андрей, надеясь, что найдена причина, из-за которой они не пойдут.

— Не переживай, вчера я купила виски. С тех пор, как люди придумали спиртное, вопрос подарков для мужчин решён.

— Ага, как Пашке так решён, а как мне... — Тебе вредно, ты спортсмен.

Можно сказать жене «пару слов», насчёт вреда и спорта, но он не стал. Она филолог, аспирантка, корпит над диссертацией о необходимости сохранения проблемных букв «Ё», «Щ» и твёрдого знака в русской фонетике и орфографии. И запросто объяснит ему, как он не прав. У неё и в характере больше твёрдых знаков, нежели мягких, и эта редкостная в женщине черта особенно по душе Андрею. Взглянул на часы — пора на праздник — и пошёл одеваться. Открывая дверь, спросил:

— После работы мне домой, или сразу к Пашке?

— Домой, конечно! Соберёмся как люди и пойдём. И не заводись ты в своих вечных спорах. Другие тоже кое-что знают и понимают, не ты один.

— Ладно, сообразим. Не торчать же, уставившись в телек.

— Иди уже, телек моей души.

Он приехал в школу (или как он называл, «на праздник»), где преподавал биологию, и приступил к урокам. Внимательно слушал ответы учеников, ставил отметки и думал о том, что и этот рабочий день пройдёт без неожиданностей. Не тут-то было. На последнем уроке в 7-а кудрявый отличник Саша Топоров сказал, что вешал бы двуногих отморозков, что убивают шимпанзе ради мяса и шкуры.

— Вешал бы? — спросил учитель.

— Да, однозначно! Их становится всё меньше и скоро совсем не будет. А двуногие отморозки заслуживают позорной смерти. И ничего больше!

Можно пропустить мимо ушей горячую несдержанность ученика — мало ли что брякнет семиклассник, поддавшись сиюминутному чувству. Но учитель обратился к остальным:

— А вы что скажете?

Помолчал, они стали излагать:

— Именно — вешать! В крайнем случае стрелять!

— А может, те, кто убивают обезьян, голодные ходят, им нечего поесть?

— Тогда накормить чем-то другим, а не обезьянами.

Разумное предложение, учитель остановился на нём.

— Да, — сказал он. — Но только тем, что человек сам произвёл. Вырастил, выкормил, создал условия для потомства. А не вторгся в живую природу с берданкой и стал крушить то, что ему не принадлежит.

Он посмотрел на Топорова:

— За твоё понимание проблемы сохранения видов ставлю пятёрку. А вот твой призыв убивать людей осуждаю. Не тот путь. Мне ближе то, что предложила Катя Климова — накормить голодных. И тебе, Катюша, пятёрка.

Тут и звонок. Рабочий день окончен. Теперь можно думать о чём угодно. Прежде всего о своём ровеснике Пашке. Курсант военно-медицинской академии с шестью птичками на рукаве слыл заядлым весельчаком и организатором всевозможных развлечений. Прошлой зимой устроил рыбалку на тонком льду Финского залива и чуть не утопил себя и двух своих дружка. Спасатели вытащили тройку оригиналов из воды и, приговорив к немалому штрафу, отпустили.

Павел Недогонов (Анюта говорила, что в школе и дома у него была кличка Недозвонов) — одноклассник Анюты. Высокий, красивый парень, начитанный, как библиотекарь, и спорщик, как древнеегипетская царица Клеопатра. Это она поспорила с древнеримским полководцем Марком Антонием, что за один присест выпьет вина

на 10 миллионов сестерциев. Марк Антоний в ужасе воскликнул: это невозможно! — и проиграл. Клеопатра, опираясь на женскую хитрость, приказала наполнить кубок, достала из своей серьги крупную чёрную жемчужину и бросила на дно. И выпила. Марк Антоний признал своё поражение и вскоре женился на Клеопатре.

Анюта уважала Пашку, а может, даже испытывала к нему нечто большее. И это мешало Андрею видеть в ней свою любимую. Ревность? Может быть, хотя ревнивцем он себя не считал. И потому не заводил с женой разговоров на эту тему. То есть, путём двух-трёх наводящих вопросов можно добиться конкретных ответов, но он не стал. Не нужно расплзаться по швам, если подступают сомнения, а проявить твёрдость и приструнить себя, если внутренний бес нашёптывает тебе лезть, куда не надо. Что же до вечных споров, то он и сам не понимал, как они возникали. Просто не переносил, когда кто-нибудь принимался нести вздор. А в застолье, при разнообразных, часто вредных для психики напитках, только начни, тогда и не заметишь, как вспыхнет полемика. И уже не останешься, не овладеешь собой.

Так было и под Новый год, когда речь зашла о том, как был убит Александр Грибоедов. Пашка заявил, что посла России в Иране убили на дуэли, но Андрей усмехнулся и сказал, что с ним расправилась восставшая в Тегеране толпа религиозных фанатиков. И не только убила, но уже мёртвого изуродовала так, что его смогли опознать лишь по шраму на руке, который он, действительно, получил когда-то на дуэли.

Пашка тут же перестроился и сказал, что пошутил, что он отлично знал, где и кто убил Грибоедова. При этом назвал Андрея мудрецом и эрудитом.

— Одним словом, биолог! — сверкнул он глазами. — А биология — не шуточный предмет: био — жизнь, логия — наука. А если слово «логия» прочитать задом наперёд, выйдет «я и гол!» То есть, вкочлачиваю голы.

Кто-то подыграл: «Я и гол, и шегол, и немножечко хохол!»

Стали хихикать, смеяться и задорно поглядывать на Андрея, дескать, молоток, что забил гол самому Пашке. Андрей благодарно улыбался и не уточнял, что он не шегол и не хохол.

Были и другие полемики, в частности, на спортивную актуалку, тем более, что и Андрей, и Пашка спортсмены: Андрей — самбист, мастер спорта, а Пашка — баскетболист, зрелый перворазрядник. К тому же он ещё кто-то, вроде физорга факультета, и отвечает за подготовку команд на внутри академических соревнованиях. Спорили, называя имена и турниры, годы и рекорды, но здесь обходилось без особых страстей, всё буднично, словно бы и не спорили, а просто делились своими познаниями в спортивной жизни.

Ладно, обстановка покажет, решил он и отправился домой. По пути заметил, что погода всё-таки повиновалась утреннему

приказу: голубело небо, сияло предзакатное солнце, игриво и настойчиво тянуло позднесенним холодком.

* * *

Собираясь в гости, Анюта надела своё лучшее платье – зелёное, цельнокроеное, с мелким вырезом и коротким узким рукавом. Кроме виски, она ещё купила баночку икры и небольшую хрустальную вазочку под неё, в красной коробочке.

– Изящная коробочка, правда? – поинтересовалась она. – А значит, с подарками у нас полный ажур.

– Будем отмечать! – кивнул он и тихо вздохнул: не по душе ему Анютин одноклассник.

Они приехали в Пашкину однокомнатную квартиру, где пахло жареным луком и рассолом от солёных огурцов. К большой радости именинника, вручили ему подарки. А Пашка тут же наполнил икорницу подаренной ему икрой. И пригласил всех к столу. Гости: Виктор, упитанный Пашкин однокурсник с беременной женой – яркой брюнеткой Люсей в джинсовом платье. Рядом с ним – Пашкин младший брат, студент второкурсник Антон, такой же длинный и улыбочивый, как старший. И светленькая, стройная девушка Инна, в чёрно-белом платье и красной сумочкой-ридиколом на золотистой цепочке через плечо.

– Итак, всё ли у нас на месте? Вино, закуска... А, салфетки! – вспомнил хозяин. – Антоша, принеси, пожалуйста, из кухни и положи каждому. Теперь, вроде бы, порядок. Ну, друзья, кто начнёт душить меня, грешного, в своих объятиях? Может, Антоша?

– Я потом, сперва послушаю, – кивнул брат и нацепил на вилку солёный огурчик.

Все улыбаются, переглядываются, уступая дебютное слово друг другу. Отозвалась Анюта, взяла бокал с вином:

– Я, Паша, наверное, знаю тебя больше, чем кто-либо из гостей за нашим столом. И должна сказать, что ты всегда оставался хорошим другом. И желаю и дальше оставаться таким же. Скоро будешь военным врачом, и я рада за наш военноморской флот, что в него идут такие надёжные парни, как ты! За тебя!

– Браво, золотые слова! – поддержал тост Виктор.

– Спасибо, Аннушка, – сказал Пашка. – Только девушка в счастливом замужестве, умная университетская аспирантка может найти столь высокие и добрые слова. Буду соответствовать. Но скажи, как твои дела с твёрдым знаком? Мягкий его не вытеснит?

– Думаю, нет. Хотя и раньше утверждали, а кое-кто и сейчас, что можно вполне обойтись одним мягким. И произносить не объявление, а объявление, не обьялся, а обьялся, не изьян, а изьян...

– А как же в словах «отъединение» и «отъезд»? Отъединение и отъезд? – спросила Инна.

– Ну да, и в слове «подъём» – как «подъём», – согласилась Анюта. – И моя задача доказать, что русской орфографии просто необходим твёрдый знак. А если и менять,

чтобы он при написании не походил на мягкий, то на апостроф. Как в белорусском, украинском и некоторых других языках.

– Запятая такая, – пояснил Андрей.

– Да, небуквенный орфографический знак в виде надстрочной запятой, отделяющей в слове согласную букву от гласной и усиливающий согласную. Раньше даже в конце многих слов, которые оканчивались на согласную букву, ставили твёрдый знак. Но потом посчитали его лишним и убрали. Это помогло почти на четверть сократить объём публикуемого текста.

– Теперь – что касается буквы «Ё», – напомнил Пашка. – Лихие головы убрали её из алфавита. А в чём проблема буквы «Щ»?

– Кое-кто доказывает, что на самом деле такой буквы нет, а есть звуковое сочетание букв «Ш» и «Ч»: «шчётка», «боршч», «пошчечина». И не видят всей громоздкости при написании.

– Трудись, Аннушка! – похвалил Пашка. – Ты отвечаешь истинной женской сути – быть заШЧитницей. При этом сохраняя твёрдость духа.

– Спасибо, постараюсь.

Андрей погладил Анютину руку, выпил рюмку и продолжил закусывать. Следующим оратором стал Виктор. Большой, основательный, он с грохотом отодвинул стул, медленно поднялся и, проведя рукой по голове, хихикнул:

– Лысею, братцы, хотя всего двадцать четыре.

– И хорошо! – сказала Инна.

– Не понял?

– У лысых мужчин глаза выразительнее.

– Правда? Спасибо, дорогая, теперь не буду переживать...

– Ладно, хватит про лысину, давай про меня, – потребовал Пашка.

– А что про тебя? Отличный парень, мы с тобой давние кореша. И торжественно заявляю: если родится мужик, назову его Пашкой. Жаль, я не поэт и не композитор в одном лице, а то бы гимн тебе сочинил. Да ещё такой, что его называли бы лучшей песней в мире.

– Не называли бы, – возразил Пашка. – Потому что лучшей песней всех стран и народов считается бразильская «Бесамучо».

– С какой стати?! – подскокил Андрей. – Я считаю лучшей мировой песней кубинскую «Голубку».

– А я – «Роземунду», – объявил Виктор.

– А я нет, – заявил Антон. – Лучшая песня в мире наша «Калитка». Помните? «Лишь только вечер затеплится синий, лишь только звёзды зажгут небеса...»

– И черёмух серебряный иней жемчугами украсит роса», – подхватила Люся. – Да, согласна с Антоном. Молодец, Антоша, что вспомнил!

– Она же и самая сексуальная, – сказал Антон. – Поёшь и представляешь себе, как отводишь с губ накидочку и...

– Понятно, на чём помешаны нынешние так называемые тинейджеры? – встрепнулся Пашка, показав пальцем на брата. – Ни мы, ни, тем более, наши предки и в голову не держали...

– Держали, – сказал Антон. – Я как-то разговаривал с нашим дедом Леонтием про

«Калитку», насчёт секса в ней. Так он тут же дал отпор. И запел другую... Как там слова? Да, «Хороши весной в саду цветочки, ещё лучше девушки весной...»

– Встретишь вечерочком милую в садочке – сразу жизнь становится иной», – продолжила Люся.

– Не ожидал от нашего Леонтия, – с похвалой отозвался Пашка. – Выходит, предки наши не только нас учили, но и сами не отставали. К тому же свято блюли союз мужчины и женщины, а значит, отца и матери.

Гости улыбаются, кто-то хлопнул в ладоши. Виктор чокнулся с Пашкой и выпил.

Желание сказать несколько слов в адрес новорождённого выказала Инна. В отличие от Анюты, она встала – розовая от волнения, с подрагивающим бокалом в руке:

– Мы с Пашей не так долго знакомы, всего три месяца. Но как будто уже много лет. Он такой открытый, содержательный. Не успеешь подобрать вопрос, как он отвечает на него. Я рада, что у меня такой друг, и хотела бы дальше дружить. За тебя, Паша! За то, что ты такой, какого я знаю!

Она пригубила бокал и села.

– Именно, – сказал Пашка. – Всего несколько слов, а человек виден, не так ли? Спасибо, Инночка, можешь и дальше верить, не подведу! Мои гости, кроме брата, видят тебя впервые, и я хочу представить: Инна, студентка пятого курса Техноложки, будущий инженер-химик высокомолекулярных соединений. Твёрдое ракетное топливо – её дело, как Анютин твёрдый знак!

Инна подняла голову:

– При чём тут твёрдое топливо?

– При том, что на твёрдом топливе мы с тобой можем отправиться в такие дали, которые и не снились мягкому. Я прав?

– Время покажет, – улыбнулась она и не позволила Антону «освежить» вино в её бокале.

Андрей порадовался за Пашку, что у него такая девушка, и сам захотел сказать пару слов. Пашка заметил его порыв и представил гостям:

– Андрей Николаевич Дроздов, муж моей однокурсницы Аннушки. Между прочим, учитель биологии в школе. И выдающийся спортсмен! Прыгает как антилопа, бегаёт как гепард, к тому же мастер спорта по самбо. Именно поэтому не ходит на уроки с пистолетом, как другие учителя. Теперь же у нас такие школяры, что без пистолета к ним не являйся. Андрюша, я правильно сказал?

– Добавь, и плавает как рыба-меч, – пошутил Андрей.

– Ты что?! К этому заявлению мы ещё вернёмся. А теперь слушаем тебя.

Анюта повернулась к мужу, вдохновляюще улыбнулась. Гости перестали жевать.

– Мы сегодня празднуем день рождения, можно сказать, моряка, медика, слушателя... или курсанта, как тут правильно? – спросил Андрей.

– Курсанта, конечно, если сразу, как я, после школы, – сказал Пашка. – А слушатели академии – офицеры, прослужившие несколько лет в армии или на флоте. Продолжай.

– Курсанта морской медицинской академии, который, возможно, со временем станет знаменитым врачом и даже адмиралом...

– Адмиралом не станет, – уточнил Пашка. – Если медик, то генерал.

– Хорошо, генералом. А там, возможно, и президентом нашей страны. Да, президентом, как генерал де Голль. Если, конечно, нынешний президент не решит избираться на новый, к тому времени уже на десятый срок...

– Короче, – улыбнулась Анюта.

– Сама короче, – ответно улыбнулся Андрей.

– Де Голль не был генералом, – сказал Пашка.

– Как это не был? – спросил Виктор. – Слова «генерал де Голль» так же органично связаны между собой, как «Генералиссимус Суворов».

– Де Голль не был генералом. И поэтому никак не связаны, – гнул своё Пашка.

Несколько секунд было тихо – каждый думал, кто прав. Инна достала из сумочки телефон:

– Посмотрим, – сказала она. – Так-так, вот наш дорогой француз... Ага, «...четырнадцатого мая сорокового года ему поручили командование четвёртой танковой дивизией, а с первого июня он исполнял обязанности бригадного генерала...». Значит, всё-таки был, и ты, Пал Василич, не прав...

– Ты дальше читай, – ткнул пальцем в стол Пашка.

– Ага, дальше-то, дальше... Но и впрямь: «Официально звание генерала ему не было присвоено. После войны он получал пенсию полковника». Значит, не был.

Андрей вспыхнул:

– Ха, Пушкин тоже не имел официального звания «Народный поэт», но, по существу, был именно таким. И никто это не оспорит.

– Пушкин – да, – рассмеялся Пашка. – Он и народный, и всенародный! – А де Голль – нет. И ваши не пляшут, правда наша!

Гости улыбались, Анюта легонько пожимала кисть Андрея. Нужно было продолжать поздравление, и Андрей сказал:

– Так вот, прошу наполнить мою рюмку и не перебивать. И если случится, что всё-таки он станет президентом, тогда ему напомним, как мы его поздравляли и что предсказывали. Так выпьем же за предсказания, которые сбываются.

Все поддержали, стали закусывать. Пашка посматривал то на Андрея, то на его жену и как будто собирался что-то говорить или спрашивать.

– Оригинальный тост, – сказал он. – И как только стану главарём страны, тебя, Андрей Николаич, назначу министром обороны. За твою прозорливость. А твою жену Анечку... ты кем хотела бы стать, Анюта? Говори сразу, чтобы пошло на ум.

Анюта сложила руки на груди, посмотрела на мужа.

– Вечно любимой женой Андрея и многодетной матерью. Вот так!

– Ну, допустим, президенты любимых жён не назначают, а многодетной матерью тебя назначит сам Андрей. Да, Андрюша?

– А то! Мне, учителю, проще всего. В школе – дети, дома – дети, почему бы и нет?

Хорошо, если ты, оказавшись на вершине власти, и зарплату учителю положишь пристойную. Тогда детки наши будут питаться не только травой, но и ещё что-нибудь покушают.

– Верно! – сказала Люся. – У нас нынче такое государство, что жадничает простым людям. Зато ушлые твари миллиарды за кордон переводят. И деток своих там содержат.

Пашка встал, сходил на кухню за сыром и вернулся.

– Нам за столом только политики не хватало, – сказал он. – Но могу обещать одно: ваши наказания выполню и наведу порядок. Спасибо, друзья, предлагаю выпить за порядок, а значит, за твёрдый знак!

Андрей на ухо жене: – Ну, а ты боялась наших споров. И вот чудеса будут, если он действительно станет президентом.

– Пускай становится, я не против. Но из тебя получился бы лучший президент.

– Почему это?

– Потому что ты мой муж.

– О чём вы там шепчетесь? – обратился на них внимание Пашка. – Вот скажи, Андрюша, стометровку вольным стилем ты за сколько плавал?

– За минуту и одиннадцать. А что?

– Отлично, это же третий разряд!

– Мне и говорили, что третий. Даже оформить хотели. А что?

– Понимаешь, у нас в эту субботу, то есть завтра, соревнования по плаванию на первенство академии. Факультетская команда, в общем, есть. Но в эстафете не хватает вольника. Я и подумал, что ты...

– Но я давно не плавал. Года два.

– И ничего, навик-то остался. Выручай, брат, дело простое. Ты как?

– Не знаю. Можно попробовать, если надо.

– Годится!

Инна посмотрела на Андрея и перевела взгляд на Пашку. Повертела в пальцах вилку:

– Разве так можно?

– Всё, Инночка, можно, если с умом, – сказал Пашка. – В любом серьёзном деле взаимовыручка прежде всего.

– А как же спортивный устав? Или правила?

– Устав здесь ни при чём. Если жить только по уставу, не выживешь. Правильно я рассуждаю? – посмотрел он на Андрея. А тот согласен с Пашкой. И не видит ничего предосудительного в том, что при помощи безобидного способа один человек поможет другому выйти из затруднительного положения. Конечно, сказывалась тройка принятых рюмок – они, как всегда, приводили к некоторой лихости. Но, как говорится, кто не рискует, тот не пьёт...

– Зачем ты? – спросила Анюта. – Там же соревнования, а ты два года не плавал. И раньше я не видела в тебе особенного пловца...

– А где ты меня видела, кроме ванной?

– У бабушки Любы, на речке Птичке.

– Ну, вспомнила! Глубина твоей Птички – синичке по яички. Где там размахнёшься?

– Ладно, сам думай, – опустила она голову. И тут же подняла: – Паш, а где будут соревнования?

– Как всегда, в бассейне СКА, на Литовской. Приходите, там просторные трибуны, места хватит. Начало в семнадцать.

Все сказали – придём, придём, поболеем. Виктор пообещал даже цветы для Андрея. И разговоры пошли обо всём, что обычно возникает в застольях, но при этом, не забывая, из-за чего собрались. Виктор погладил Люсин живот, что-то сказал и поцеловал в щёку. Люся рассмеялась и погрозила пальцем. Инну отвлёк телефон, она стала тихо разговаривать и хмурить брови. Антон зевнул и взмахнул рукой – будет говорить.

– Давай, кровник, всыпь старшему братцу, чтобы время побежало вспять, – подначил Пашка. – Скажу по секрету, мой брат Антошка выбрал не ту дорогу. Мог бы стать отличным маляром, а он живописью занялся, картины кропает. Тратит годы на то, чего в мире больше, нежели песчинок в пустыне Сахаре.

Антон поднял рюмку и встал. Не глядя на Павла, сделал глоток и сказал:

– Время вспять не побежит, не из того теста. А вот задуматься придётся. Мне кажется, тебе пришла пора жениться, тогда у тебя немножко поубавится критического ума.

– Интересно, какой смысл ты вкладываешь в понятие «критический»? В смысле находящийся на крайней стадии разрушения или в смысле ум, подвергающийся критике всё на свете?

– Да, именно в этом. По-моему и то у меня не так, и это. А я, между прочим, новую картинку изобразил. И хочу подарить в день рождения. Показал её у себя в универе – там пришли в восторг.

– Не томи, являй, – потребовал брат.

Антон принёс из прихожей рюкзак и вытащил из него небольшую картину в золотистой рамке. Вгляделся в неё и поднял так, чтобы увидели и другие. На картине в ярких красках изображён слегка накрённый стол, на нём покосившаяся ваза с яблоками и мандаринами, кривые бокалы и фужеры; из одного из них вытекает вино и льётся на обложку книги «Война и мир».

– Красиво! – сказал Пашка. – И гениально, как «Чёрный квадрат». Теперь скажи, в чём её смысл? Намекаешь, что злоупотребляю...

– Нет, моя символика в том, что наше поведение влияет не только на всё живое, но также на то, что, казалось бы, совершенно неподвержено ему. Поэтому нужно быть осторожным. В особенности, с живым!

– Bravo, Антоша! – похвалил брат, принимая картину. – Честно, не ожидал. Вот что значит художественное полотно. Как много оно может сказать, если его создал гений. Bravo! А вы как находите?

– Красиво, – сказала Инна. – О многом говорит. Например, о том, что мы должны беречь книги. Они бумажные, и не терпят не только воды, но и вина.

Пашка слушал её и улыбался, но улыбка, скорее, вынужденная, чем радостная.

Что-то нарушила в нём картина, заставила посмотреть и на брата, и на себя как-то по-иному, по-новому.

– Спасибо, Антошка, не ожидал. Покажу в академии, пускай там поломают голову над тем, что здесь изображено.

– Тебе спасибо, раз оценил. И на этом хочу завершить своё участие в торжестве – дела!

Он поклонился гостям, обнял брата и ушёл. Гости напились чаю с ватрушками и стали расходиться. Анята, прежде чем уйти, предложила Андрею отказаться от завтрашнего плавания, но муж не послушал её.

– Плавательные манатки в наличии? – поинтересовался Пашка. – А то могу доставить.

– Всё есть, – был ответ. – Когда встречаемся?

– Давай к половине пятого у входа.

Они пожали руки и расстались.

* * *

Утром Андрей сделал хорошую пробежку и зарядку типа разминки. Плотно позавтракал, чтобы не наедаться в обед. Анята не заговаривала насчёт вечернего плавания, но и не одобряла готовности мужа быть подставным лицом. Впрочем, один раз-таки не удержалась:

– А если тебя не признают своим и остановят до старта?

– Ой, кому там вглядываться, свой-не-свой? Тем более, в голые фигуры. Не переживай, обойдётся.

– Вообще-то я не ожидала от Пашки подобной авантюры. Я всегда его держала за благородного, не способного на мелочность.

– Ань, успокойся. Прими это за обычную шутку и жди событий. Ух, бассейн! Смотри у меня, чтобы вода твоя была не только мокрой, но и быстрой!

– Да, не ожидала, – не сдавалась Анята. – Но ещё больше – от тебя. Учителю, авторитет у детей и...

– Анна! Уймись, а то в угол поставлю и в дневник накаю, – он рассмеялся от своей угрозы и обнял её. – Не думал, что будешь так переживать. А теперь неудобно: пообещал – задолжал.

Анята развела руками. Хотела отказаться от бассейна, но беспокойство о муже пересилило, и она стала думать, что надеть. Выбрала чёрные, узкие брюки и красный шерстяной жакет. При помощи фена красиво уложила густые тёмно-русые волосы и, глядя на себя в зеркало, вздохнула: сойдёт!

Андрей приготовил полотенце, махровый халат серого цвета, плавки, шапочку, вьетнамки, а также всё для душа. И поехали.

Пашка ждал их у входа и обрадовался, когда они подошли.

– Молодец, что прибыл, – сказал он. – Витьки с Люсей не будет, у них какие-то проблемы с тещей. Время эстафеты – семнадцать тридцать. Держите приглашенные билеты и вперёд. А я брата подожду.

– А Инна? – спросила Анята. – Хорошо бы вместе поболеть.

– Нет, и она не может. Старшая сестра попросила с дочкой посидеть, пока они куда-то с мужем пойдут.

– Ладно, мы погнали, – сказал Андрей.

– Вперёд, там увидимся.

Из гардероба они поднялись на трибуну для зрителей, где уже собрались болельщики в курсантской военно-морской форме. Кое-где между ними в разноцветных нарядах разместились их подруги. В бассейне, на голубых дорожках резвились девушки в синих купальниках и розовых шапочках.

– Чего они там плавают? – спросила Анята.

– Воду греют.

– Разве?

– А ты что думала? Мы в холодную должны нырять?

– Забавно. Только разве нет другого способа?

– Есть, но этот нам больше подходит. Не хочешь им подсобить?

– Шутник, – рассмеялась она. – Скорей бы уже начинали.

С ним поднялись Пашка, Антон и невысокий парень в очках. Пашка назвал его Максом и сказал, что именно к нему должен подойти Андрей перед стартом эстафеты. Андрей пожал Максиму руку, и тот ушёл.

– Всё, дружище, готовься, а мы с братом останемся возле твоей Аняты, чтобы никакие кавалеры не лезли к ней с провинциальными комплиментами.

Андрей взглянул на жену и подмигнул ей, мол, не переживай, я с тобой. И отправился вниз. И тут нежданность – у самого выхода с трибун он увидел своего ученика Сашу Топорова, – тот разговаривал с плотным коренастым дядькой в военно-морском кителе с погонами капитана третьего ранга. Андрей хотел проскочить незамеченным, но Топоров обернулся и узнал его.

– Андрей Николаич, и вы здесь?! За кого болеете? А это мой папа...

– Ты ошибся, парень, я не Андрей Николаич, – буркнул Андрей и, чуть кивнув капитану третьего ранга, продолжил путь. Только этого не хватало. Скажет отцу, что я – учитель, а не курсант, и что тогда?

С этой минуты он уже не принадлежал себе. Переодевался, поглядывал на своих возможных соперников, что разминались вместе с ним, принимал контрастный душ и слушал по громкоговорителю напутственные слова какого-то полковника участникам соревнований. Чтобы не думать о Топорове, напевал про себя невесть откуда возникшую «Розамунду». Он попытался вытеснить её какой-нибудь другой мелодией, но та упёрлась и ни с места. Изредка в сознании врывались живописные картинки с видами бассейна – как там рвутся вперёд пловцы, и среди них – он, вступающий третьеразрядник, не только не уступающий, но и обгоняющий соперников кролистом.

После душа накинул халат и, стараясь не поворачиваться к трибунам, где, по всей вероятности, находился Топоров с папочкой, пришёл к месту старта. Здесь его встретил Макс и напомнил:

– Ты завершаешь эстафету, значит дело. Смотри, чтоб всё было, как в лучших домах Лондона и Копенгагена! Главное, чтобы дышалки хватило, распредели силы. Пашка мне сказал, что ты уже два года не купался.

– Да, правда. Но в стрессовой ситуации у меня прибывает сил. Так что спокойно, Макс, не подведу.

С ним подошли остальные члены команды – трое рослых, плечистых парней. Макс их представил:

– Кролист на спине, или, как я называю, спинист Юра Казаков. Брассист Лёня Мякин. Баттерфляист Иван Мерцалов и вольник Андрей... Да, просто Андрей.

– Ты кто? – спросил Иван.

– Кит в пальто, – поторопился ответить Макс. Хотел ещё что-то добавить, но раздался голос судьи-информатора, который объявил о старте эстафеты. И тут раздались короткие повсвистывания судьи-стартёра: всем приготовиться.

Юра Казаков вместе с другими спринстами прыгнул в воду, взялся руками за стартовый поручень, согнутыми ногами с подтянутыми к груди коленями упёрся в бортик. Тут и старт. В бассейне восемь дорожек, а в заплыве приняли участие шесть команд.

Только сейчас Андрей почувствовал, как бешено колотится сердце. Его натужный ритм отдаётся в висках, в груди и даже в кончиках пальцев рук. Бушует предстартовая лихорадка. Мельком взглянул на трибуну и сразу увидел Аняту. А слева и справа от неё Пашку и Антошку. Она тоже увидела, что он смотрит в её сторону, подняла руку – приветствует. Спасибо, жена, постараюсь. Не переживай, всё будет, как надо.

А в это время Юра Казаков, лучше других принявший старт, оказался впереди. И так и пришёл первым, чтобы первым продолжил эстафету брассист Лёня Мякин. И этот хорош, держится, не уступает. Трибуны яро аплодируют, подбадривают. А Лёня на целый корпус обогнал плывущего вторым парня, и первым отправляет на дистанцию Ивана Мерцалова.

Андрей встал на тумбу и ощутил, сколь надёжна и крепка она, не шатается, и ноги не скользят. Давай, голубушка, метни кролиста катапультной...

Иван Мерцалов не только сохранил значительный отрыв от соперников, но и увеличил его. Пять метров до касания... три... метр... Андрей взмахнул руками, оттолкнулся и, коснувшись воды, вдруг почувствовал острую боль в бедре – судорога свела ногу. Зрители выдохнули: – О-ух! И умолкли. Он попытался выпрямить ногу в колене и чуть не вскрикнул от боли. Бросил руки на разделитель дорожек и закрыл глаза. Превозмогая себя, направился к лесенке на сушу и застыл на первой ступеньке. К нему подбежал Макс, протянул руку, чтобы вытащить из воды. Тут же подошли Иван, Лёня и Юра. Молчат, сжимая кулаки. Лучше бы что-нибудь говорили, ругались. Он снова попытался разогнуть ногу в колене, и на этот раз получилось. Боль отступала.

– Ногу свело, – виновато улыбнулся он.

– Бывает, – сказал Макс. – Извини, что поставили в такое положение.

– И вы меня, – ответил он. Поднял глаза на трибуну и увидел жену и Пашку с Антоном. Братья встали, машут ему.

Тут и пловцы финишировали, трибуны аплодируют победителям.

Анюта сидит, опустив голову. Кажется, плачет...

* * *

Ссутулившись и чуть прихрамывая, Андрей направился в раздевалку. По громкоговорителю передали: «Внимание! Курсант Павел Недогонов приглашается в кабинет директора бассейна». Андрей приостановился, ожидая ещё каких-то слов, но их не последовало. Что бы это значило? Скорее всего, Паше придётся держать ответ. Бездарно вышло, а хотелось подсобить...

Он долго стоял под душем, поглаживая и массируя бедро, долго вытирался и одевался. А когда вышел на улицу, его встретили Анюта и Пашка. Улыбаются, как будто ничего не произошло.

– Нога болит? – спросила Анюта.

– Нет, прошло.

– А раньше такое случалось?

– Никогда.

– А почему теперь?

– Не знаю. Может, старость.

– В двадцать четыре года?!

– Тогда не знаю. Никогда раньше не приходилось, как сегодня. Может, всё дело в двойных нервах... Лучше скажи, зачем вызывали к директору? Из-за меня?

– Из-за меня. Полковник, зам начальника кафедры физической подготовки, дал втык за подмену. Сказал, что, учись я на младших курсах, поставил бы вопрос об отчислении... А старт, Андрюха, у тебя отличный! Если б не нога, обновили бы рекорд...

– Тут дело не в ноге, а в голове, – перебила его Анюта.

– В чьей? – насторожился Пашка.

– В моей, в чьей же ещё? Сразу было понятно, что вы не дело затеяли. Могла настоять на отмене, но вот как раз и не хватило твёрдого знака.

– Ничего, Аннушка. Следующий раз умнее будем. А за сегодняшнюю попытку прийти на помощь спасибо. Ну и пока. Будем жить, чтобы служить... То есть, дружить!

– Да, да, пока, наш будущий президент, – сказала Анна. – Только не помешало бы на пути к верховной власти отсутствие твёрдого знака. Впрочем, уже хорошо, что Бог нас не забывает. Правда же?

Обычно такой говорливый, такой расторопный в словах Пашка ничего не ответил. Расплылся в улыбке, махнул рукой и вскочил в подъехавший автобус.

Дроздовы недолго смотрели ему вслед. Анюта поцеловала мужа в щёку, взяла под руку и повела к метро.

Петербург. 2020 г.

